УДК 821.161.1 Мамин-Сибиряк-31 + 82-94 **Е. К. Созина**

РОМАН Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА «ВЕСЕННИЕ ГРОЗЫ» В ЛИТЕРАТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

Статья посвящена проблемно-тематическому анализу романа Д. Н. Мамина-Сибиряка «Весенние грозы» (1893), который обычно относят к жанру семейного романа или романа воспитания. Рассматриваются связи произведения Д. Н. Мамина с литературой его предшественников и современников: в первую очередь, с романом Ф. Решетникова «Свой хлеб», в котором также описывается жизнь людей в небольшом провинциальном городке и на первый план выдвигается судьба девушки, старающейся найти свой путь. Анализируется топонимия романа Д. Н. Мамина. В литературный контекст вводятся произведения писателей-восьмидесятников: А. П. Чехова, М. Н. Альбова и др. Устанавливается своеобразие звучания темы чиновничества и темы провинциальной интеллигенции в романе, его принадлежность к беллетристике, обслуживающей интересы среднего читательского слоя России.

Ключевые слова: русская литература XIX в.; провинциальный роман; беллетристика; проблемно-тематическое содержание; историко-литературный контекст.

Роман Д. Н. Мамина-Сибиряка «Весенние грозы» (1893) относится к числу так называемых романов писателя «второго ряда» [см.: Щенников]. Писались они в поздние годы жизни автора и, в отличие от уральского цикла романов, не снискали особой славы и популярности ни тогда, ни теперь, несмотря на подымающуюся волну нового интереса к творчеству нашего земляка, немало сделавшего для повышения статуса Урала в сознании российской публики. Поэтому и критической литературы о романе крайне немного. Из последней следует назвать статью О. В. Зырянова, в которой он дает достаточно полную характеристику жанрового состава романа и, отталкиваясь от высказываний немногочисленных критиков, выделяет нравственно-воспитательные задачи произведения как центральные [Зырянов]. Задача этой статьи — охарактеризовать проблемно-тематическое содержание романа Д. Н. Мамина, которое, как известно, лучше всего проясняет сопоставление данного произведения с литературным контекстом — предшествующим и современным, и который, на наш взгляд, шире понятия интертекстуальности, скорее даже — включает ее в свое поле.

Е. А. Боголюбов в комментарии к роману Мамина-Сибиряка характеризовал «Весенние грозы» как роман об интеллигенции, причем «мелкобуржуазной» [Мамин-Сибиряк, 1949, с. 357, 361]. Время преимущественно социальных оценок и ярлыков прошло, и вряд ли стоило бы вспоминать об этом, но хотелось бы скорректировать главный тезис комментатора и составителя собрания сочинений Д. Н. Мамина: представляется, что это роман не столько об интеллигенции, сколько о чиновничестве, т. е. о том социальном слое, который мог быть и обычно бывал исходным материалом для формирования разночинной интеллигенции (как, впрочем, и любое другое сословие в России — купечество, дворянство,

© Созина Е. К., 2015

духовенство, даже крестьянство и др.). В самом общем тематическом плане его можно представить как провинциальный роман о судьбе молодых людей, выходцев из чиновного сословия — именно рождение и рост интеллигенции из среды чиновников показывает писатель, поскольку в жанровом плане, как справедливо указывал О. В. Зырянов, произведение относимо к типу семейного романа, романа воспитания и даже романа-притчи.

Изображение чиновничьей среды становится темой отечественной литературы, начиная с произведений натуральной школы («Чиновник», стихотворение Н. Некрасова, публиковалось в первом альманахе натуральной школы «Физиология Петербурга», ч. 2-я, 1845), а в более постоянном и пространном виде — в 1860-е гг. Довольно скоро эта тема укрепляется не только в прозе — достаточно назвать произведения И. Панаева, И. Кущевского, Н. Помяловского, А. Левитова, А. Писемского и др., но и в драматургии: вспомним пьесы А. Островского — от «Доходного места» до «На всякого мудреца довольно простоты», — А. Потехина, М. Салтыкова-Щедрина, А. Сухово-Кобылина. Однако в том ракурсе, в каком она затронута у Д. Н. Мамина, пожалуй, его непосредственным предшественником следует считать Ф. М. Решетникова с романом «Свой хлеб», опубликованным в «Отечественных записках» в 1870 г. У нас нет сведений о том, что Д. Н. Мамин читал этот роман и как-то ориентировался на него, да это и совсем необязательно (хотя вероятно — хотя бы в силу популярности самого журнала), тем более что для начала 1890-х гг., когда Д. Н. Мамин создавал свое произведение, данная тема была уже едва ли не избитой. Сопоставление с романом Ф. М. Решетникова возможно скорее в типологическом аспекте.

Прежде всего, обратим внимание на вымышленные топонимы в том и другом романе, за которыми, как можно предположить, стоит общий для того и другого писателя топос. В романе Ф. М. Решетникова «Свой хлеб» действие первой части происходит в городе Ильинске, располагающемся на Волге, примерно в полуверсте от реки. Сам город изображен как совершенно обычный небольшой городок русской провинции, можно предположить, что под ним имеется в виду уменьшенная Пермь (уменьшенная, поскольку в Перми времени Решетникова было явно больше двух церквей, а в Ильинске его романа их именно две), но скорее всего, это г. Оса Пермской губернии, где родилась Серафима Каргополова, ставшая затем женой писателя и прототипом героини романа[1]. Интересно другое: зачем Ф. М. Решетникову понадобилось менять Каму на Волгу и размещать на ней свой Ильинск, а не, например, город Н. или П.? На Волге писатель не жил, ее не знал, а образ большой реки и маленького захолустного городка на ее берегу оказываются типичны не только для Средней России, но и для Урала. По-видимому, затем же, зачем ранее он назвал коми-пермяцкую деревню, где

[1] В рассказе Решетникова «Шилохвостов» рисуется город П. возле реки Дуги. На самом берегу реки располагается слобода, в ней живут рыбаки и в ней же происходит действие рассказа. В романе «Свой хлеб» также упоминается слобода, располагавшаяся у реки под горою, нравы ее примерно те же, что и в рассказе «Шилохвостов», но в сюжетном времени романа, как говорит повествователь, ее уже нет — она слилась с городом. Г. Оса исторически также начинался со слободы, затем ставшей частью города (в то время как Пермь строилась с Ягошихинского завода). Таким образом, имеется больше оснований считать прототипом Ильинска в романе Решетникова г. Осу, а не Пермь.

родились Пила и Сысойка, Подлипной[2]: более благозвучные и привычные уху русского читателя названия и имена, нежели данные коренными жителями Урала, казались ему предпочтительнее, особенно на фоне стойкой неприязни ряда критиков к маргинальной предметности произведений Ф. М. Решетникова.

Преобладающим населением Ильинска в романе «Свой хлеб» являются мещане — они постоянно борются за свои права с чиновниками, и, рассказывая о нравах в доме бывшего уездного стряпчего, а теперь винного пристава Яковлева, автор уже в названии главы подчеркивает столкновение этих разных слоев в сознании и образе жизни героя: «Мещанское воспитание и чиновничий гонор господ Яковлевых» (гл. V). «У него сложилось две жизни, — пишет автор о Яковлеве, — одна дома, мещанская, в суде — чиновничья» [Решетников, с. 42]. Эта двуликость жизни многих обитателей города, хотя бы чуть-чуть выбившихся со дна жизни (одно — на людях, другое — дома, когда никто не видит), определяет характер провинциальной среды в произведениях и других писателей середины века (вспомним хотя бы город Калинов в «Грозе» Островского: «Ты, говорит, смотри в людях меня да на улице, а до семьи моей тебе дела нет... Семья, говорит, дело тайное, секретное», — характеризует Кулигин нравы городских жителей [Островский, с. 242]). От нее отталкиваются и стремятся уйти молодые герои Ф. М. Решетникова; в романе «Свой хлеб» это Дарья Андреевна, дочь чиновника Яковлева, — она не хочет жить по образцу своей среды и стремится своим трудом обеспечивать себя. На протяжении чрезвычайно неспешного трехсотстраничного повествования идет рассказ о том, как определяется Дарья Андреевна в жизни, через какие мытарства и нешуточные трудности она проходит, чтобы стать самостоятельной, ни от кого не зависящей и обеспечивающей себя женщиной. Но удается ли ей это — уже другой вопрос, и его писатель оставляет открытым.

В романе Д. Н. Мамина «Весенние грозы» действие происходит в губернском городе Шервоже, растянувшемся по берегу реки Лачи. Пермь и Кама здесь узнаваемы более, чем у Решетникова, хотя приметы провинциального и неизбежно заштатного городка российской провинции примерно те же: осенняя непролазная грязь, низенькие домишки на окраинах и относительно приглаженный центр, «чиновничий клоповник» как задающий нормы и ценности всем прочим жителям — купечеству и мещанству. Имена героев и тех или иных мест у Д. Н. Мамина обычно определяются смысловым пространством произведений, нередко имеют символическое значение (как, например, г. Пропадинск в «Уральских рассказах», г. Узел в «Приваловских миллионах» и др.)[3]. Каков смысл топонимов в «Весенних грозах»? По-видимому, меняя звучное имя Камы на менее приятное для нашего слуха название Лача, устраивая скопление

[2] Подлипная — вымышленный топоним, образованный писателем по законам словообразования русского языка, но от коми-пермяцкого топонима Лупья. «Лупьинские коми-пермяки — самая северная этнографическая группа коми-пермяцкого народа, проживающая в бассейне реки Лупья и ее притоков в Гайнском районе Коми-Пермяцкого округа Пермского края» [Голева и др., с. 30]. Географические, природные, этнографические особенности жизни подлиповцев в повести Ф. М. Решетникова вполне сходятся с описанием таковых у реальных жителей края.

[3] Ономастикон Д. Н. Мамина был предметом рассмотрения в работах Г. Л. Девятайкиной [см., напр.: Девятайкина].

согласных в имени города — Шервож, Д. Н. Мамин руководствовался мотивами, прямо противоположными устремлениям Ф. М. Решетникова. В Кудымкарском районе Пермской губернии протекает река Шервож, есть деревня Шервож, упоминается урочище Шервож. В переводе с коми *шервож* — ‘срединный, средний поток’ [Афанасьев], т. е. слово звучит достаточно нейтрально. Лача — озеро в юго-западной части Архангельской области, известное хорошим ловом рыбы: «Название из карел. *лаччу* ‘низкий, низменный; мелкий, неглубокий; отлогий’, что хорошо характеризует оз.: оно мелководно, его низменные берега почти со всех сторон окаймлены болотами» [Поспелов, с. 238][4]. В романе Д. Н. Мамина река Лача также славится обилием рыбы, и один из героев, Петр Афанасьевич Клепиков, рыбной ловлей основательно укрепляет бюджет своей семьи. Таким образом, оба названия Д. Н. Мамина имеют гидронимное происхождение, и неслучайно сам город характеризуется автором как «искусственно созданный административный центр», где «единственным живым местом являлась река» [Мамин-Сибиряк, 1949, с. 107]. Именно на реке, в рыбацкой избушке Петра Афанасьевича, Катя Клепикова переживает одно из счастливейших событий своей детской жизни — первую встречу с природой, неописуемую радость от таких прекрасных, хотя не всегда понятных слов Григория Иваныча Печаткина, которые она слушает, засыпая, — отца ее детской и гимназической подружки, явившегося, по сути, первым и настоящим воспитателем ее души. Два уголка природы оказываются одинаково важны для Кати — рыбацкий уголок на Курье и женский монастырь неподалеку, где живет полюбившаяся ей сестра Агапита.

В названиях реки и города Д. Н. Мамин не только соединил два гидронима — не менее важно, что он использовал автохтонные финно-угорские наименования: коми *Шервож* и карельское *Лача*. Ф. М. Решетникову нужно было уйти от неблагозвучных имен своей родины — Д. Н. Мамин к ним возвращался. К тому же, он соединил гидроним уральский — своей северо-восточной родины — и олонецкий — северо-западного уголка России, к которому оказался ближе по месту проживания во второй половине жизни.

Напомним, что в романе Ф. М. Решетникова сюжет разворачивается вокруг образа главной героини Дарьи Яковлевой и ее попыток обрести «свой хлеб», самоопределиться и зажить своим трудом. Тема женской эмансипации была в 1860-е гг. одной из злободневных, и роман содержит много перекличек с «Что делать?» Н. Г. Чернышевского: уйдя из родительского дома и уехав из родного Ильинска в Егорьевск к дяде (вот и возможная Пермь, хотя комментатор романа увидел в Егорьевске черты Нижнего Новгорода [Решетников, с. 362]), Дарья знакомится с «женщиной-либералкой» Тележниковой, причислявшей себя «к разряду новых людей», но, иронически говорит повествователь, «в сущности <она> принадлежала к разряду множества ей подобных» [Там же, с. 183]. В конце концов Дарья уходит и из дома дяди, снимает комнату и определяется в модный магазин мадам Петерсон швеей, однако ни о каких артельных началах, как в романе Н. Г. Чернышевского, здесь нет и речи, все гораздо прозаичнее,

[4] Выражаю признательность А. А. Макаровой за справку об этимологии названия озера Лача.

грубее и страшнее. Ф. М. Решетников опрощает и приземляет рецепты идеальной жизни людей труда, данные Н. Г. Чернышевским, показывает невозможность их практического воплощения, но вместе с тем более ярким и наглядным становится стремление его простых героев жить лучше, найти себя и свой путь — их упрямая жизненная стойкость и непонятная «нравственная сила» [Шелгунов, с. 17], так поражавшие современных писателю критиков.

Пройдя через все мытарства одинокой жизни, изведав тяжесть поденного труда, отвергнув привычные способы жизни девушки ее круга, Дарья Андреевна в финале романа отправляется в Петербург «учиться повивальному ремеслу» — как несколько ранее поступила жена Ф. М. Решетникова Серафима Каргополова. Важно, что роман Ф. М. Решетникова, примыкая к типу романов о «новых людях», но спуская эту модель на реальную почву обычной, заурядной людской массы, является едва ли не первым романом, от начала до конца посвященным развитию жизненной судьбы девушки, ее воспитанию жизнью, ее саморазвитию, идущему вопреки среде. О формировании личности Дарьи рассказывает большей частью автор — роман страдает одновременно и описательностью, и обилием диалогических сцен, рвущих и затягивающих действие. Но, повторяем, важно выдвижение на первый план именно женской истории, финал которой, в отличие от другого романа самого Ф. М. Решетникова — «Где лучше?», от повестей Н. Лескова, произведений Марко Вовчка, Гл. Успенского, также написанных в 1860-е гг. и обращенных к историям различных женщин, при всей своей неопределенности позитивен и внушает надежду на лучшее будущее героини.

Роман Д. Н. Мамина отличается большей художественностью, большим мастерством автора в построении целого — сюжетно-композиционного каркаса произведения, стилистической выверенностью соотношения описательных сцен и действия, в том числе речевого, это произведение зрелого автора. Однако роман Д. Н. Мамина носит и более камерный характер, нежели «Свой хлеб» Ф. М. Решетникова, и это помогает понять некоторую старомодность, архаичность поздних романов писателя для 1890-х гг. С одной стороны, в романе Д. Н. Мамина уже не так остро стоит проблема среды, как у Ф. М. Решетникова: внимание сосредоточено не на образе провинциального города и окружении героев, а на них самих, точнее, на их семьях — Печаткиных и Клепиковых (возможная аллюзия — на семейный принцип изображения героев в романе Л. Толстого «Война и мир», но для анализа маминского романа она дает немного). Отсюда более узкий, локальный характер носит география произведения: нет передвижений, перемещений героев, которых так много в произведениях Ф. М. Решетникова, включая и роман «Свой хлеб»: за счет переездов его героев и героинь, их переходов из одной среды в другую пространство романа раздвигается, причем не только и не столько географическое, чисто внешнее пространство, сколько социальное, духовное, включающее сферу поисков, мыслей и раздумий бедного человека о своей судьбе и своем месте в жизни. Для Ф. М. Решетникова его герои бедны, интересы их скудны, но сами они вполне соразмерны с «большим светом». Д. Н. Мамин же постоянно подчеркивает удаленность Шервожа от остальной

России, незначительность жизни его обитателей, которую стремится укрупнить своим пером, сделать значительной и интересной для читателя сам автор: «Так складывалась жизнь двух семей, закинутых в далекую провинциальную глушь: маленькие люди, маленькие интересы, маленькие радости и большие заботы» [Мамин-Сибиряк, 1949, с. 123]. Вместе с тем, Ф. М. Решетников считал своим долгом (и так понимались в ту пору задачи литературы) дать подробную характеристику мира, в котором живет его героиня: он детальнейшим образом комментирует ее окружение в любой момент жизни, дает истории людей, с которыми она сталкивается, независимо от их роли в жизни Дарьи, прочерчивает все детали обстановки, быта и пр.: эта манера письма тогда же получила название «бытописательства». Понятно, что в тот период, когда Д. Н. Мамин писал свои романы, необходимости в столь подробном воссоздании мира «бедных», да и «средних» людей уже не было. Герои и среда во времена А. П. Чехова нередко становились взаимозаменимы, и само понятие «среды» начинало утрачивать свое значение и свой колоссальный вес для литературы, занятой изображением человеческой личности. Провинциальная среда в романе Д. Н. Мамина — не самостоятельный объект изображения, она не раскрывается детально, как в прозе 1860-х гг., а рисуется исподволь, через характеры и образ жизни героев.

Начиная роман с архиважного для обеих семей события — поступления сыновей в гимназию, — Д. Н. Мамин-Сибиряк сосредотачивается на истории развития и постепенного взросления не мальчиков, а девочек, особенно одной из них, наиболее привлекательной для автора и выражающей его идеал (это отмечено в работе [Зырянов]) — Кати Клепиковой. Он обращает особое внимание на пробуждение сознания в Кате, что связано с получаемыми ею впечатлениями от иного уклада семьи в доме Печаткиных, с огромным влиянием, оказанным на детскую душу зажигательными речами Григория Иваныча, но также и с обидой от унижения, которое испытывает девочка, ощущая бездну гендерных различий между собой и мальчиками. Катя проходит примерно те же стадии взросления, что и мальчики в произведениях русских писателей, для автора особенно важным был опыт Л. Толстого: учась в гимназии, его героиня задумывается над социальными и экономическими различиями в жизни людей, но зависть пересиливает «хорошая бедная гордость и здоровое чувство» [Мамин-Сибиряк, 1949, с. 161]; она переживает отроческий кризис, грубит учителям, и лишь доброта и мудрость начальницы гимназии спасают ее от позорного изгнания, которое когда-то постигло однокашника брата Володю Кубова. Д. Н. Мамин сглаживает конфликты: Кате помогает не только Анна Федоровна, а и сестра Агапита из женского монастыря; отец Евгений, на уроке которого она читала запретную книгу; Любочка, искренне переживающая за подругу. Чрезвычайно достоверно описаны отношения девочек, их разговоры о чувствах, попытки понять себя и друг друга, то новое, что рождалось в них и делало девушек женщинами. Меняются их характеры: простая и добрая хохотушка Любочка превращается в другого человека — она «точно вместе с гимназической формой сняла с себя детское веселье и милые маленькие глупости... В Любочке все сильнее начали проявляться отцовские качества: решительность, прямота и даже нетерпимость»

[Мамин-Сибиряк, 1949, с. 239]. Ведя параллельно партии подруг, Кати и Любы, автор все же позволяет лишь Кате говорить и делать то, что является дорогим и важным для него самого. Катя напряженно переживает драму первой любви, из радостной и счастливой ставшей с женитьбой ее избранника Гриши на другой чувством несчастным и ненужным. Мучительно вырывая ее из сердца, пытаясь обрести себя и свой путь, героиня Д. Н. Мамина проходит через этап религиозного смирения, едва не уходит в монастырь (кстати, из монастыря возвращается домой в начале романа Ф. М. Решетникова его героиня), но в конце концов становится сельской учительницей и обретает личное счастье в браке со своим бывшим учителем Огневым.

Произведений о судьбе именно девушки-женщины к 1890-м гг. в русской литературе было накоплено немало: повести Н. Хвощинской, А. Писемского, пьесы Н. А. Островского, рассказы А. П. Чехова (хотя наиболее ударный из них — «Невеста» — был написан позже), да даже роман Л. Толстого «Анна Каренина» и рассказы о Надежде Николаевне В. Гаршина. Но, пожалуй, лишь Д. Н. Мамин проследил историю развития девочек и их превращение в женщин, в самостоятельных и полноправных личностей, завершив тем самым системный реалистический нарратив XIX в. о развитии и воспитании ребенка, обычно имевший (как в случаях Л. Толстого, С. Аксакова, М. Салтыкова-Щедрина) автобиографические корни.

Следует сказать еще об одном отличии Д. Н. Мамина от шестидесятников, в частности, и от Ф. М. Решетникова — это практически полная лишенность его письма обличительной направленности, так свойственной писателям «школы» Н. Г. Чернышевского и Н. А. Некрасова. Как уже говорилось выше, для Д. Н. Мамина его герои не очень отличимы от среды, и говорить в этом случае об их противостоянии ей не приходится, но их жизнь и не столь страшна и пошла, как, скажем, жизнь родительской семьи Дарьи Яковлевой в романе Ф. М. Решетникова. Да, герои Д. Н. Мамина небогаты, и с ними тоже могут случаться неприятности и крайне драматические события — такова, например, потеря Григорием Иванычем Печаткиным места службы. Но, как и в случае с Катей, помощь хорошему человеку придет непременно — и Печаткин получает ее в церкви, встретившись с таким же, как он сам, бедолагой и поняв, чем он теперь может заняться, чтобы помогать и себе, и другим беднякам. Ранняя смерть Григория Иваныча, казалось бы, ставит семью Печаткиных на грань нищеты, но и здесь все устраивается к лучшему благодаря помощи Клепиковых, найденным квартирантам и урокам, которые начинает давать Гриша. Трагические случайности жизни оказываются преодолимы, и в силу общей оптимистичной тональности романа писатель отказался от первоначального финала судьбы Кати — ее сумасшествия на почве несчастной любви. Он оставил этот вариант в пьесе «Маленькая правда», где никакая вера бедных людей в свою правоту, в «маленькую домашнюю правду» не спасает их от горя и бед, разрушающих жизнь.

В этой обреченности «маленькой правды» маленького человека, его подвластности злу большого мира прослеживается близость пьесы Д. Н. Мамина к драматургии А. Н. Островского, правда, более раннего периода — середины

1860-х гг. («Грех да беда на кого не живут», «Воспитанница», «Шутники», особенно «Пучина», 1866). Но как поздний А. Н. Островский совершает эволюцию от сатирических пьес и драм-трагедий в сторону сглаживающих нестерпимость жизненных конфликтов и противоречий пьес-комедий с мелодраматическими эффектами и финалами (причем на первый план в позднем творчестве драматурга выдвигаются именно женские персонажи), так и Мамин-Сибиряк в своих романах 1890-х гг. нередко идет на несколько утопическое разрешение драматических коллизий. В «Весенних грозах» Катя Клепикова удачно занимает место деревенской учительницы, освобожденное ушедшим в предприниматели Володей Кубовым, и никаких особых трудностей, о которых писали другие авторы, касавшиеся этой темы (ср., например, повесть «Учительница» Н. Д. Хвощинской, 1880), она не переживает. Так же удачно она освобождается от своей первой любви к Грише и выходит замуж за Огнева, несмотря на то, что он к тому времени уже явно староват для нее. Внезапное превращение переживает жена Гриши Людмила Григорьевна: из строптивой и грубой мещанки, говорящей языком персонажей А. Н. Островского, она вдруг становится способной к сложным душевным переживаниям, к пониманию и мужа, и Кати, и того факта, что в этой семье она занимает чужое место. Словно не зная, куда пристроить тоскующую швею-модистку с пробудившимся сознанием, Д. Н. Мамин убирает ее со сцены: женщина заболевает тифом и скоротечно умирает, вызывая в окружающих острую жалость и чувство вины за напрасно погибшую жизнь.

Утопический элемент прослеживается и в карьере предпринимателя, что делает Владимир Кубов: он воплощает заветный идеал не только Д. Н. Мамина, но и, например, И. Гончарова — новый, формирующийся буржуа с душой и деньгами, с жилкой изобретателя-рационализатора. Позднее А. П. Чехов даст ироническую реплику на эту мечту своих предшественников — образ Лопахина, капиталиста с «тонкой, нежной душой» и «тонкими, нежными пальцами», который, тем не менее, вырубает вишневый сад для своей будущей прибыли и так и не делает предложения остающейся без крова Варе. У Д. Н. Мамина же герой стремится выстроить себя и свою жизнь по американскому образцу («Посмотрите на американцев — вот для нас живой пример» [Мамин-Сибиряк, 1949, с. 247]), так что возникает неизбежная перекличка с романом писателя «Без названия», где американский способ жизни выступает образцом для Василия Окоёмова[5]. Наконец, в финале «Весенних гроз», где «молодые» мужья, как в эпилоге романа И. Тургенева «Дворянское гнездо», помещаются возле своих жен и воцаряется полный лад и гармония, Огнев произносит речь во славу «новой русской женщины», долженствующей спасти мир. Д. Н. Мамин словно еще раз подводит итог — теперь идеям и надеждам русской классики на оправдание

[5] В этом плане Д. Н. Мамин-Сибиряк идет вопреки традиции русской классической литературы, для которой Америка воплощала идею приобретения внешних благ и, следовательно, неизбежной смерти души (ср. романы Ф. Достоевского — «Преступление и наказание», «Бесы», «Братья Карамазовы», произведения М. Салтыкова-Щедрина и др.). Однако — не вопреки реальной действительности! Рассказ о «русском американце» П. А. Дементьеве — Питере Дименсе, как раз в начале 1880-х гг. приехавшем на берега Флориды и ставшем основателем целого ряда новых предприятий, см.: [Рохлин].

мужского жестокого мира через женскую любовь, чистоту и самоотверженность. Еще одна утопия, накладывающаяся на уверенность Кати в том, что только в деревне можно найти и «настоящую Русь», и настоящее громадное дело, на которое стоит положить жизнь[6].

Облегченность решений судеб героев — сюжетных ситуаций и коллизий, рисуемых в романе Мамина, наряду со слабой мотивированностью отмеченных выше внезапных изменений их характеров, утопичность ряда идеологем, занимающих в романе центральное место («американизм» успешного и сердечного предпринимателя В. Кубова, увлеченность Кати Клепиковой своей миссией сельской учительницы, способной поднять Россию) и вытекающая из них открытая тенденциозность произведения позволяют говорить о том, что роман «Весенние грозы», как и другие поздние романы Д. Н. Мамина, написан в русле беллетристики, занимающей срединное место между элитарной, высокой литературой и массовой, направленной исключительно на развлечение читателя [см. об этом: Гурвич]. С этим согласуется и достаточно высокая степень типологизации в маминском повествовании: есть тип героя-карьериста — Сергея Клепикова, показывающий, что яблочко от яблоньки порой падает достаточно далеко, а вместе с тем реализующий тот идеал, к которому стремилась его мать: чтобы дети жили богато, лучше отцов. Есть типовая ситуация измены и несчастной любви, а отсюда — любовный треугольник (Гриша с женой-швейкой и Катя), есть учитель-праведник — Огнев, забавный, но чрезвычайно колоритный и «правильный» дьякон Келькешоз, напоминающий, как заметил О. В. Зырянов, Ахиллу в романе Н. С. Лескова «Соборяне», но также и дьякона в повести А. П. Чехова «Дуэль» (1891). Чиновники-отцы, как им и положено, трудятся, хотя здесь Д. Н. Мамин нарушает стандартный образ чиновника, сложившийся в русской литературе XIX в.: для Петра Афанасьевича Клепикова отнюдь не служба составляет центр жизни, а семья, на рыбалке он находит и отдых, и наслаждение; второй же отец — Григорий Иваныч Печаткин — из-за неуживчивости характера и тяги к справедливости вообще лишается своего места, однако находит затем гораздо более привлекательный вариант служения — становится частным стряпчим и помогает обманутым беднякам выигрывать дела. Д. Н. Мамин нарушает классический стереотип, но нарушает его в пользу современной ему литературы, уже пережившей чеховскую насмешку над бедным чиновником и стремившейся показать, что чиновники не только «чувствовать умеют», но и сами страдают от тягот бюрократической системы.

По своей тематике, охарактеризованной выше, роман Д. Н. Мамина может быть поставлен в один ряд с произведениями писателей его круга: М. Альбова, К. Баранцевича, И. Потапенко, В. Тихонова, К. Лугового и др. Для А. П. Чехова

[6] В идеализации деревни и незаметного, но чрезвычайно нужного и полезного труда Кати Клепиковой на ниве народного просвещения можно увидеть отголосок популярной в 1880-е гг. теории «малых дел» (ироническая отсылка к ней звучит в повести А. П. Чехова «Дом с мезонином» и ряде других), а также идей народников 1870-х гг., практическое воплощение которых («хождение в народ») начиналось с устройства интеллигенции в деревне в качестве учителей, фельдшеров, ремесленников и пр. Д. Н. Мамин иначе расставляет акценты, но для читателя его времени этот контекст, достаточно старомодный для начала 1900-х гг., был очевиден.

возня с «маленькими людьми» и «коллежскими асессорами» была уже вчерашним днем литературы, тогда как когорта писателей, его современников, дорабатывала эту тему и пыталась найти в ней свое звучание. К. Баранцевич и М. Альбов, по выражению того же А. П. Чехова, наблюдали жизнь «в потемках водосточных труб», пафос произведений Потапенко — это чисто буржуазный, достаточно скромный, но очевидный восторг перед «не-героями» эпохи, вполне «благополучными россиянами». Название же романа К. Лугового — «На курином насесте. Хроника одного незаметного существования» (1885) — говорит само за себя, несмотря на некоторое сочувствие автора к своему невидному герою, возрастающее в финале.

Роман Д. Н. Мамина О. В. Зырянов неслучайно отнес к жанру «душеполезного чтения» для юношества [Зырянов, с. 263]: автор показывает различные дороги, которыми пошли молодые люди, дети «крапивного семени», но и изображая семьи «отцов», он видит смысл в их достаточно однообразном, казалось бы, не наделенном никакими особо высокими порывами существовании. Обрести этот смысл помогает авторский протагонист и резонер (таковой находится в любом из поздних романов писателя) Григорий Иваныч Печаткин, однако и сам автор пытается обобщить и «собрать» картину жизни своих героев, перевести их заботы на другой уровень. Достаточно частым в романе являются слова *жизнь*, *жить*, они звучат и от лица повествователя, и из уст героев: «Так складывалась жизнь двух семей...» [Мамин-Сибиряк, 1949, с. 123]; «Мы не будем описывать жизнь наших героев день за днем...» [Там же, с. 144]; «Странная вещь наша жизнь... — часто говорил Печаткин в каком-то тяжелом раздумье. — Живешь-живешь, а все равно еще и не начинал жить» [Там же, с. 149]; у Печаткиных «проявилось в полной форме неумение жить» [Там же]; сам же Григорий Иваныч, опережая Кубова, мечтает: «...нужно по-американски жить» [Там же, с. 150], а Кубов твердит: «Но ведь есть другая жизнь, другая деятельность» [Там же, с. 247] и т. д. Мамин чрезвычайно близко подошел к той своеобразной «философии жизни», которая — в пандан немецкой школе философии жизни (В. Дильтей, Г. Зиммель, Ф. Ницше и др.) — созревала в умах его современников и по-своему была выражена его собратом по цеху «беллетристов-восьмидесятников» М. Н. Альбовым в романной трилогии «День да ночь».

Сопоставление творчества этих двух писателей, каждый из которых в 1890–1900-е гг. чувствовал себя устарелым, отставшим от литературы и жизни, могло бы быть темой отдельного исследования [см. об этом, в частности: Созина], здесь же наметим лишь одну точку сближения между романом Д. Н. Мамина и трилогией М. Н. Альбова. Последняя включает романы «Тоска», «Сирота», «Глафирина тайна» и создавалась писателем на протяжении 1887–1903 гг., постепенно вырастая из очерков и рассказов, публиковавшихся в периодике. Сквозными героями трилогии являются чиновник Павел Елкин («сирота») и старая дева Глафира Хороводова. М. Н. Альбов мастерски создает излюбленную атмосферу «своего» Петербурга в стиле Ф. М. Достоевского, где место Раскольникова занимают мелкие чиновники, ремесленники, учителя, столь же мучительно, но без размаха и страсти Ф. М. Достоевского размышляющие над жизнью в стремлении

найти ее скрытый смысл и в исступлении идущие на своего рода «подпольный бунт» (К. Чуковский). Отказываясь от предлагающего ей руку и сердце старика, Глафира, дочь хозяйки мелкой табачной лавочки, обрекает себя на одиночество в собственной семье и уходит из дома с тем, чтобы начать новую жизнь, показать которую в новом романе автор уже не успел или не сумел[7].

«...Не то надрыв, не то сладострастное самоистязание» [Гуревич, с. 308], угаданное Л. Я. Гуревич в душе писателя, он переносил на своих героев, и этот обостренный, «страдальческий психологизм» [Там же, с. 309] резко выделял М. Н. Альбова из писателей чеховской «артели», не исключая и Д. Н. Мамина. Но, возможно, именно свое тяготение к манере Ф. М. Достоевского, к бесконечному, изнуряющему анализу души, М. Н. Альбов стремился как-то уравновесить апелляцией к неким общим законам бытия. Тяга к постановке «вечных вопросов» и переведение их на иной, нежели у больших писателей, человеческий материал — чеховский, не «достоевский», — была характерной чертой литературы 1880–1890-х гг. В поздних произведениях М. Н. Альбова как раз и наблюдается своего рода концептуализация жизни как таковой — в виде огромного «неведомого организма» (в духе позитивизма), «неведомой силы», которая, «не слушая наших хотений, ведет свое тайное и непостижимое дело, которую мы замечаем, когда уже она проявилась вовне, и тогда мы ее называем судьбой или случаем...» [Альбов, 1906–1908, с. 437]. Чрезвычайно близко к максимам маминского повествователя о «маленьких людях», его героях, «день за днем» проживающих свои не очень заметные жизни, стоит авторское резюме в финале романа одного из изданий трилогии М. Н. Альбова: «Дни и ночи текут, погребая минувшее и вызывая на смену новые дела и события. Рядом с тем, что совершается на наших глазах по вечным и непреложным законам природы, ткется неуловимая нить нам неизвестных и от нас независимых причин и последствий. Они внутри нас самих, они повсюду вокруг, и угадать, устранить, обойти их — вне нашей власти» [Альбов, 1894, с. 317]. То, чего не мог сказать Д. Н. Мамин, произносит его собрат по перу — резюме (звучащее как своеобразное «стихотворение в прозе») целого поколения, пытавшегося найти исход из всеобщей «тоски» жизни[8].

«Облегченность» конфликтов в романе Д. Н. Мамина во многом объясняется тем, что произведение публиковалось в журнале «Мир Божий», предназначенном для молодого поколения, неслучайно «Весенние грозы» имеют самый благополучный финал из всех поздних романов Д. Н. Мамина. Герои его

---

[7] Глафира из романа М. Н. Альбова мало напоминает героинь Д. Н. Мамина, Ф. М. Решетникова, А. П. Чехова и других писателей — в данном случае более важно ситуационное сходство, имеющее вполне жизненно-реалистический характер (ср. «Неравный брак» и др.). «Подпольное» бунтарство выгодно отличает героев М. Н. Альбова и от персонажей, например, Н. Помяловского, принадлежащих к тому же социальному слою чиновничества, однако смиряющих свои высокие порывы перед суровой правдой жизни, и позволяет в какой-то мере считать М. Н. Альбова предшественником М. Горького.

[8] Не можем не привести цитату из письма Мамина М. В. Эртель от 6 октября 1894 г.: «Ваш друг, т. е. я, Марья Николаевна, очень болен... Тоска, тоска и еще раз тоска... <...> Скучно... Тоска... Два состояния: работа и тоска... Что делать? Куда идти?» [Мамин-Сибиряк, 1958, с. 384]. Состояние тоски, лейтмотивное для поколения восьмидесятников, частотно и в произведениях А. П. Чехова 1880–1890-х гг., и, пожалуй, лишь ему одному удалось осуществить выход за пределы магического круга так понимаемой «жизни», а вместе с тем найти совершенно иные и новые принципы художественности.

романа в состоянии изменить свою судьбу и направить ее по нужному руслу, в отличие от своих «отцов» они вырываются из-под гнета общих законов жизни, понять которые не дано ни им, ни представителям старшего поколения. Они не теоретики — они практики. И в этом практическом, действенном посыле романа Д. Н. Мамина, возможно, кроется его своеобразие на фоне литературы восьмидесятников и его значение для сегодняшнего дня.

Альбов М. Н. День да ночь. Эпизоды из жизни одной человеческой группы. СПб., 1894. [Al'bov M. N. Den' da noch'. Jepizody iz zhizni odnoj chelovecheskoj gruppy. SPb., 1894.]

Альбов М. Н. Собр. соч. : в 8 т. СПб., 1906–1908. Т. 8. [Al'bov M. N. Sobr. soch. : v 8 t. SPb., 1906–1908. T. 8.]

Афанасьев А. П. Топонимия Республики Коми : словарь-справочник. Сыктывкар, 1996 [Электронный ресурс]. URL: http://komikyv.com/archives/3801 (дата обращения: 20.01.2015). [Afanas'ev A. P. Toponimija Respubliki Komi : slovar'-spravochnik. Syktyvkar, 1996 [Electronic resource]. URL: http://komikyv.com/archives/3801 (accessed: 20.01.2015).]

Голева Т. Г., Подюков И. А., Пономарева Л. Г., Черных А. В. Лупьинцы: история, культура, язык : этнолингв. сб. Пермь, 2011. (Тр. Ин-та яз., ист. и традиц. культуры коми-пермяцкого народа / ред. кол.: А. С. Лобанова, А. М. Белавин; Вып. 8). [Goleva T. G., Podjukov I. A., Ponomareva L. G., Chernyh A. V. Lup'incy: istorija, kul'tura, jazyk : jetnolingv. sb. Perm', 2011. (Tr. In-ta jaz., ist. i tradic. kul'tury komi-permjackogo naroda / red. kol.: A. S. Lobanova, A. M. Belavin; Vyp. 8).]

Гурвич И. А. Беллетристика в русской литературе XIX века : учеб. пособие. М., 1991. [Gurvich I. A. Belletristika v russkoj literature XIX veka : ucheb. posobie. M., 1991.]

Гуревич Л. Я. Альбов. Характеристика // Гуревич Л. Литература и эстетика: Критические опыты и этюды. М., 1912. С. 302–312. [Gurevich L. Ja. Al'bov. Harakteristika // Gurevich L. Literatura i jestetika: Kriticheskie opyty i jetjudy. M., 1912. S. 302–312.]

Девятайкина Г. Л. Литературные двойники уральских городов в рассказах Д. Н. Мамина-Сибиряка // Литература Урала: история и современность : сб. ст. Вып. 3 : в 2 т. Екатеринбург, 2007. Т. 1. С. 218–228. [Devjatajkina G. L. Literaturnye dvojniki ural'skih gorodov v rasskazah D. N. Mamina-Sibirjaka // Literatura Urala: istorija i sovremennost' : sb. st. Vyp. 3 : v 2 t. Ekaterinburg, 2007. T. 1. S. 218–228.]

Зырянов О. В. Жанровый тип романа «Весенние грозы» // Творческое наследие Д. Н. Мамина-Сибиряка: итоги и перспективы изучения / под общ. ред. [и с предисл.] О. В. Зырянова. Екатеринбург, 2013. С. 257–263. [Zyrjanov O. V. Zhanrovyj tip romana «Vesennie grozy» // Tvorcheskoe nasledie D. N. Mamina-Sibirjaka: itogi i perspektivy izuchenija / pod obshh. red. [i s predisl.] O. V. Zyrjanova. Ekaterinburg, 2013. S. 257–263.]

Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч. : в 12 т. / под ред. Е. А. Боголюбова. Т. 7. Свердловск, 1949. [Mamin-Sibirjak D. N. Sobr. soch. : v 12 t. / pod red. E. A. Bogoljubova. T. 7. Sverdlovsk, 1949.]

Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч. : в 10 т. / под ред. А. И. Груздева. М., 1958. Т. 10. [Mamin-Sibirjak D. N. Sobr. soch. : v 10 t. / pod red. A. I. Gruzdeva. M., 1958. T. 10.]

Островский А. Н. Полн. собр. соч. : в 16 т. М., 1949–1953. Т. 2. [Ostrovskij A. N. Poln. sobr. soch. : v 16 t. M., 1949–1953. T. 2.]

Поспелов Е. М. Географические названия мира : топонимический словарь. М., 2002. [Pospelov E. M. Geograficheskie nazvanija mira : toponimicheskij slovar'. M., 2002.]

Решетников Ф. М. Полн. собр. соч. : в 6 т. / под ред. И. И. Векслера. Свердловск, 1936–1948. Т. 5. [Reshetnikov F. M. Poln. sobr. soch. : v 6 t. / pod red. I. I. Vekslera. Sverdlovsk, 1936–1948. T. 5.]

Рохлин Л. Тверской губернии дворянин... // Веси. 2014. № 1. С. 4–6. [Rohlin L. Tverskoj gubernii dvorjanin... // Vesi. 2014. № 1. S. 4–6.]

Созина Е. К. «Черты из жизни Пепко» как автобиографический роман // Творческое наследие Д. Н. Мамина-Сибиряка: итоги и перспективы изучения / под общ. ред. [и с предисл.]

О. В. Зырянова. Екатеринбург, 2013. С. 275–291. [Sozina E. K. «Cherty iz zhizni Pepko» kak avtobiograficheskij roman // Tvorcheskoe nasledie D. N. Mamina-Sibirjaka: itogi i perspektivy izuchenija / pod obshh. red. [i s predisl.] O. V. Zyrjanova. Ekaterinburg, 2013. S. 275–291.]

Шелгунов Н. В. Народный реализм в литературе // Дело. 1871. № 5. С. 1–45 (вторая пагинация). [Shelgunov N. V. Narodnyj realizm v literature // Delo. 1871. № 5. S. 1–45 (vtoraja paginacija).]

Щенников Г. К. «Второй ряд» романов Д. Н. Мамина-Сибиряка // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2002. № 5 (24). С. 29–39. [Shhennikov G. K. «Vtoroj rjad» romanov D. N. Mamina-Sibirjaka // Izv. Ural. gos. un-ta. Ser. 2 : Gumanitar. nauki. 2002. № 5 (24). S. 29–39.]

Статья поступила в редакцию 23.06.2015 г.

УДК 821.161.1 Мамин-Сибиряк-31 +
+ 821.161.1 Пушкин-31 + 82.091

Е. А. Коноплева

ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОЙ ДОЧЕРИ: РЕЦЕПЦИЯ ПУШКИНСКОГО СЮЖЕТА В ПРОЗЕ Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА («В ГОРАХ», «БЕЗЗАВЕТНАЯ ЛЮБОВЬ»)

На материале произведений «В горах» и «Беззаветная любовь» рассматривается сюжет о возвращении блудной дочери в прозе Д. Н. Мамина-Сибиряка. Используя узнаваемые сюжетные мотивы пушкинского «Станционного смотрителя», писатель создает свои варианты классического сюжета, учитывая изменившийся исторический контекст.

Ключевые слова: А. С. Пушкин; «Станционный смотритель»; Д. Н. Мамин-Сибиряк; притча о блудном сыне; трансформация классического сюжета.

Сюжет пушкинского «Станционного смотрителя» породил в русской литературе целую серию произведений о маленьком человеке, жертве социального неравенства. Однако внимание последователей А. С. Пушкина привлекал и переработанный в повести сюжет притчи о блудном сыне: Самсон Вырин ждет возвращения дочери, подсознательно примеряя на себя образ отца из евангельской притчи. Как известно, сюжет притчи о блудном сыне существенно изменяется в пушкинском тексте: отец умирает, не дождавшись возвращения Дуни, а сама Дуня, посетившая могилу отца, не выглядит несчастной и обездоленной, как ожидал Вырин и как предполагает сюжет притчи. Дальнейшая разработка в русской литературе темы возвращения блудной дочери в отцовский дом ведется с оглядкой на А. С. Пушкина, с учетом его подхода к знаменитому библейскому сюжету. Так и Д. Н. Мамин-Сибиряк перенимает пушкинскую стратегию трансформации классического сюжета, но применяет ее уже не столько к евангельскому тексту, сколько к самой повести А. С. Пушкина: сюжет возвращения блудной дочери в прозе Д. Н. Мамина содержит вполне узнаваемые отсылки к А. С. Пушкину, но не повторяет пушкинский канонический вариант, а отталкивается от него. Поскольку рассмотреть сюжет о возвращении блудной дочери во всем творчестве

© Коноплева Е. А., 2015